

© 2014 г.

А.И. КОЛГАНОВ, А.В. БУЗГАЛИН

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК НОСТАЛЬГИЯ? ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЦЕЛЕВЫХ АКЦЕНТАХ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

КОЛГАНОВ Андрей Иванович – доктор экономических наук, профессор, зав. лабораторией по изучению рыночной экономики МГУ им. М.В.Ломоносова (E-mail: onaglo@mail.ru); БУЗГАЛИН Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор того же университета (E-mail: buzgalin@mail.ru).

Аннотация. На базе поставленного в предыдущей статье диагноза существующего состояния социально-экономического организма нашей страны авторы проводят сравнительное исследование двух возможных траекторий социально-экономического развития России: (1) стратегии, ориентированной на восстановление и модернизацию прежде всего индустриального базиса, и (2) стратегии опережающего (лидирующего) развития, подчиненной цели приоритетного развития человеческих качеств (“экономики для человека”). Анализируется специфика второй модели – ее цели и средства реализации, имеющиеся ресурсы и потенциальные социальные акторы ее воплощения в жизнь.

Ключевые слова: Реиндустриализация • постиндустриальная экономика • креатосфера • творчество • наука • культура • стратегия социально-экономического развития • опережающее (лидирующее) развитие • Россия

В предыдущей статье авторов, посвященной исследованию природы двух стратегий развития реиндустриализации и приоритетного развития человеческих качеств (см. “СОЦИС” № 1-2014), – мы постарались прежде всего поставить диагноз существующего состояния социально-экономического организма нашей страны и показать некоторые теоретические основания для сравнения этих двух траекторий – стратегии, ориентированной на восстановление и модернизацию прежде всего индустриального базиса и стратегии опережающего развития, подчиненной цели приоритетного развития человеческих качеств (“экономики для человека”).

В данном тексте авторы ставят перед собой задачу уточнить общие черты и различия этих стратегий и раскрыть специфику второй модели – ее цели и средства реализации, имеющиеся ресурсы и потенциальных социальных акторов ее воплощения в жизнь.

Итак, уточним наши разногласия.

Еще раз к вопросу о наших разногласиях (вместо предисловия)

Вернемся к предмету нашей полемики с авторами, акцентирующими необходимость реиндустриализации и уточним пункты наших согласий и расхождений.

Мы *согласны* с нашими коллегами по дискуссии в том, что для прогресса нашей страны (да и для мировой экономики в целом) необходимы:

- сворачивание паразитических слагаемых нематериального производства (финансовых спекуляций, посредничества и т.п.);
- развитие материального производства и услуг, обеспечивающих прогресс человеческих качеств;
- отказ от политики и идеологии “рыночного фундаментализма” и развитие программирования экономики, проведение активной промышленной политики и других механизмов сознательного регулирования;
- социальная ориентация экономики, снижение уровня социально-экономической дифференциации и т.п.;

В чем же суть *расхождений*?

Они в *акцентах*. Но это не пустяки.

Главный акцент наших оппонентов, как мы уже не раз отмечали, это – **(1)** индустриализация (реиндустриализация, неоиндустриализация). Под этим в работах данных авторов, как правило, понимается не то, что этот термин означает в строгом категориальном поле, о котором мы писали выше, т.е. не [вос]создание индустриальных технологий, а нечто иное, как правило, определяемое через описание ряда сфер, где требуется приоритетное развитие. При этом оказывается, что речь идет не столько об индустриализации в том или ином смысле, сколько о восстановлении и приоритетном развитии несырьевого материального производства. Согласитесь: воссоздание индустриальных технологий, т.е. 3-го и 4-го технологических укладов, и приоритетное развитие названных производств – это “две большие разницы”.

При этом **(2)** вопрос о том, какими будут господствующие технологии и содержание труда в этих отраслях остается гораздо менее акцентированным, нежели приоритет несырьевого материального производства как такового. Безусловно, наши оппоненты не возражают против прогресса высоких технологий (особенно это характерно, повторим, для работ С.Ю. Глазьева), но главную задачу видят в ином: восстановить материальное производство СССР (отсюда и сам термин – **реиндустриализация**).

Такая “терминологическая некорректность” приводит к тому, что реальные практические задачи, выдвигаемые сторонниками этого курса¹), начинают тяготеть в силу ряда причин (о которых ниже) именно к строгому смыслу понятия “реиндустриализация” и в результате *такие* оппоненты неоллиберального курса оказываются сторонниками *консерватизма*, хотя пишут они (как, например, С.С. Губанов) о прогрессивном курсе. Консерваторами же они являются прежде всего потому, что ориентируют стратегию на приоритет пусть обновленной, но в основном прежней структуры производства и, как мы увидим ниже, характерной прежде всего для XX века вертикально-интегрированной государственной собственности и, соответственно, опору на власть партийного государства, государственную власть партии социального большинства, партии вертикальной интеграции собственности [Губанов, 2012].

На экономическом языке это означает ориентацию на постепенное воссоздание прежде всего традиционных отраслей материального производства – тех, что действительно были основой экономики предыдущего века. В частности, речь идет о воссоздании станкостроения, автомобилестроения, сельскохозяйственного машиностроения, максимум – ВПК, авиастроения и космической промышленности².

¹ Укажем, например, на работу одного из наиболее активных в общественном отношении предпринимателей реального сектора экономики – президента Ассоциации “Росагромаш” К.А. Бабкина [Бабкин, 2009].

² Как мы уже отметили, в работах С.Ю. Глазьева акцент делается на ином – на высокотехнологичном производстве вообще, в том числе в новых (нано-, био- и т.п. производствах); образование упоминается, но специально не рассматривается, а остальные отрасли креатосферы крайне редко даже упоминаются. Но и это скорее исключение. С.С. Губанов уже пишет о высокотехнологичном содержании традиционных секторов; для него “фундаментальным условием первостепенной значимости” является развитие прежде всего “первоклассного и высокоавтоматизированного машиностроительного комплекса” [Губанов, 2012]. В работах многих других авторов акцент на качестве технологий вообще исчезает.

“Естественно”, что **(3)** в работах наших оппонентов такие сферы как образование, здравоохранение и наука оказываются на втором месте: им посвящено гораздо меньше текстов, а многие программные статьи о них вообще *как бы* забывают (случайно? Или из-за нехватки объема?). По сути дела о них пишут как о некоторых вторичных сферах, которые должны производить здоровых и грамотных рабочих и инженеров, а так же содействовать повышению производительности труда в основных отраслях материального производства. Остальные отрасли креатосферы (культура, рекреация общества и природы и т.д.), как правило, вообще не упоминаются.

И самое последнее и едва ли не главное **(5)** отличие. Оно касается трансформации системы экономических отношений и институтов. Здесь наши оппоненты, видящие едва ли не главные причины нашей отсталости в компрадорском характере российского частного капитала, выдвигают лозунг перехода к вертикально-интегрированной государственной собственности. И этот лозунг логично вытекает из определения основных задач как неоиндустриализации, восстановления [в лучшем случае – на новом технологическом уровне] машиностроения, авиастроения, энергетики и т.п. в борьбе с компрадорским капиталом, паразитирующем на сырьевых ресурсах страны, которые должны быть возвращены народу.

На наш взгляд, речь должна идти о существенно иных акцентах. Будем говорить о них на примере нашей страны – предмете для нас наиболее дорогом и важном.

Первое. Соглашаясь с нашими коллегами в том, что мы должны сойти с “сырьевой игры” и не повторять тупиковую траекторию Запада (приоритетное развитие прерватного сектора), мы в качестве основы экономики будущего видим сферы, формирующие ключевые ценности нашего общества и одновременно создающие главный источник прогресса его экономики. Это прогресс человеческих качеств или, в более строгой политэкономической постановке – свободное гармоничное развитие личности. Отсюда ключевое определение нашей стратегии: “экономика для человека”³. На уровне лозунга многие наши коллеги готовы согласиться с этим, но содержательно предлагаемое ими направление означает скорее: “человек для производства”.

На языке стратегии это различие становится существенным. Приоритетное развитие производства означает измерение результатов объемом ВВП, все остальное – производные показатели. Приоритетное развитие креатосферы означает измерение результатов (успехов и провалов) нашей социально-экономической политики в таких показателях как Индекс человеческого развития и индикаторы экологического состояния страны и т.п., а не объемах ВВП или материального производства. На языке цифр это означает увеличение, по меньшей мере, в 2 раза доли в ВВП страны креатосферы (в частности, таких отраслей как образование, здравоохранение, культура, наука и т.п., т.е. того, что мы в предыдущей статье назвали I и II подразделениями новой экономики). Такова специфика принципиальной установки предлагаемой нами стратегии; о ее целях, средствах и субъектах реализации речь пойдет ниже.

Второе. Собственно материальное производство (т.е. III подразделение по нашей классификации, адекватной для эпохи генезиса креатосферы) в этих условиях должно развиваться по траектории **(2.1)** качественного изменения структуры, предполагающего опережающий рост новых отраслей, основывающихся преимущественно на постиндустриальных технологиях: био-, нано- и т.п. технологии и **(2.2)** воссоздания традиционных отраслей на качественно новом технологическом базисе⁴.

Приведем только один пример: переход грузового морского транспорта на контейнерные перевозки привел к радикальному, в десятки раз, сокращению занятости в этой сфере. Огромный современный сухогруз, экипаж которого в прошлом веке состо-

³ См.: [Бузгалин, 2013, 128–133]. Подчеркнем: впервые этот императив именно в таком виде авторы сформулировали еще в 1992 г. В настоящее время он стал главной темой Московского экономического форума, прошедшего на базе МГУ в марте 2013 г. и собравшего более 1500 участников – ведущих ученых, экспертов, предпринимателей, общественных и политических деятелей со всех континентов.

⁴ Напомним, в работах наших дискуссионщиков речь идет преимущественно только о пункте 2.2.

ял из сотен преимущественно малоквалифицированных матросов, ныне обслуживает едва ли десяток человек, каждый из которых имеет высшее или среднее специальное образование. В результате в сфере *материального производства* 10 высокообразованных и творчески-ориентированных людей делают тот же объем работы, который ранее делали сотни рабочих. Такие примеры уже сегодня можно найти в сфере аграрного, химического и мн.др. производств. Иными словами, мы обосновываем необходимость экономического курса, ориентированного на увеличение выпуска продукции материального производства при сокращении его роли и доли в экономике

Третье. Стратегия, ориентированная на преимущественное развитие креатосферы будет *стратегией опережающего, лидирующего развития*, в отличие от курса на реиндустриализацию, который ориентирует нас на догоняющую траекторию. По сути дела авторы предлагают своего рода план “ГОЭЛРО-2”, о чем мы пишем, постоянно обновляя наши тексты, уже более 20 лет⁵.

Мы специально хотим напомнить об упомянутом историческом прецеденте: более 90 лет назад в нищей, разрушенной войнами и преимущественно сельскохозяйственной России, страдающей, прежде всего, от голода и нехватки сельскохозяйственного сырья, был выдвинут план не “реаграризации”, а электрификации – общенациональный технологический и экономический проект скачка через как минимум два (!!!) технологических уклада за 15-20 лет. Таким же масштабным был план культурной революции.

Мы предлагаем не менее амбициозный план.

Четвертое и самое главное. Естественно, что *такой* план предполагает *принципиально значимые изменения в системе социально-экономических отношений и экономико-политических институтов*. Мы (4.1) видим основные проблемы перехода к такой стратегии не в компрадорском характере частного российского капитала (хотя и солидарны с критикой этих аспектов нашего бытия), а в социально-экономической и экономико-политической сущности нашей общественной системы, а именно сращенности государственного и частного *корпоративного* капитала как основы экономической власти и главной силы, определяющей развитие экономики, политики, общества. В предыдущей статье мы в меру сил раскрыли и аргументировали этот вывод, показав, что в России сложились а кланово-бюрократические каналы корпоративной власти, интегрирующая методы господства, характерные для государственно-бюрократического феодализма и капитализма вкупе с пережитками государственно-бюрократической и ведомственно-местнической корпоративной организации советской эпохи. Постольку мы считаем, что лечить эту болезнь при помощи поддержки исключительно отчесетвенно предпринимателя в реальном секторе (К. Бабкин) или перехода к вертикально-интегрированной государственной корпоративной собственности (С. Губанов) – это попытка тушить пожар керосином. Даже если предположить невозможное – переориентацию государственного аппарата на цели, предлагаемые нашими коллегами – мы получим всего лишь новую разновидность нынешней, в корне порочной, системы.

Далее, поскольку мы (4.2) доказываем, что приоритетом развития должны быть не вертикально-интегрированные отрасли материального производства, а креатосфера, то и социально-экономические отношения в этой сфере должны строиться на стратегии постепенного, но не уклонного выращивания *отношений ассоциированной*

⁵ Понятие «Стратегия опережающего развития» было предложено нами в начале 1990-х годов, когда под эгидой журнала «Альтернативы» прошла первая международная конференция на эту тему. В 2000-е годы нами была проведена серия из 11 международных конференций, в том числе в 2006 году «Человеческий потенциал модернизации России: стратегия опережающего развития – 2006», а в 2011 г. – «Стратегия опережающего развития –III». Все материалы этих конференций были опубликованы в соответствующих монографиях. Мы рады, что у С.Ю. Глазьева в 2010 г. вышла книга, где он так же использовал понятие «стратегия опережающего развития», хотя и сожалеем, что он не упомянул о целой серии работ под этим названием, выходявших в течение многих лет (Кроме названных выше см., например: [Бузгалин, Колганов, 1996] [Бузгалин, Колганов, 1999] [Человеческий потенциал..., 2006]).

собственности, базирующейся на сетевой общественной самоорганизации в отраслях материального производства и собственности каждого на все, характерной для мира культуры. Именно последний вопрос – вопрос о снятии интеллектуальной частной собственности, переходе к режиму *copyleft*, *open-source* и т.п. является для нас приоритетным, ибо приоритетом развития производительных сил для нас является сфера создания культурных продуктов – новых человеческих качеств, научных и художественных достижений, социальных, экологических и производственных технологий. Это блок проблем огромной сложности и мы о нем пишем уже много лет, в частности, в последней части книги “Пределы капитала”, поэтому здесь лишь зафиксируем различие и поставим многоточие...

А теперь о некоторых следствиях указанных выше теоретических консолидаций и разногласий, касающихся практических вопросов разработки стратегии опережающего развития.

1. Стратегия опережающего развития (“экономика для человека”): специфика целей

Начнем с принципиально важного тезиса: *стратегия опережающего (лидирующего) развития – это проект, который ориентирован на качественное изменение сложившейся экономической, социальной и политической системы*, ибо в рамках инерционного сценария решение проблем качественного улучшения основных параметров российской социально-экономической системы невозможно. Определенные фрагменты проекта могут использоваться как элементы реформ, отчасти смягчающих противоречия современного типа российской системы.

Ключевое отличие предлагаемой *Стратегии опережающего развития* от большинства ныне предлагаемых модернизационных стратегий состоит в выдвигании принципиально отличных от реализуемых ныне в большинстве стран мира *целей* развития и переходе к соревнованию с существующими системами по иным, нежели ныне ими применяемые, критериям прогресса.

Исторической параллелью может служить отказ политического класса раннебуржуазных торгово-промышленных республик от традиционных для позднефеодального общества критериев успешности дворянских “элит”, – таких как знатность, роскошь, сохранение традиций и т.п., – и переход к новым критериям прогресса, среди которых тогда на первый план выдвигались рост объемов производства товаров массового спроса и денежной прибыли. Мы утверждаем, что столетия спустя настало время поддержать уже давно выдвигаемые многими социальными, гуманитарными, экологическими и т.п. сетями, а так же известными интеллектуалами (начиная едва ли не с теоретиков “Римского клуба” [Печчеи, 1980]) иные, нежели типичные для “позднего капитализма” критерии прогресса социально-экономической системы.

Соответственно, *временной горизонт* такой стратегии должен охватывать не менее 15–20 лет, включая промежуточные цели и соответствующие средства их достижения.

Главное отличие стратегии опережающего развития, как мы уже подчеркнули – это не столько средства, сколько принципиально новые *стратегические цели*. Среди них:

- приоритетное развитие человеческих качеств, в частности: повышение ИЧП до уровня скандинавских стран; приоритетное развитие творческого потенциала большинства граждан; продление периода гарантированно здоровой жизни до 70 лет и более;
- превращение России и интегрированных с ней стран и интернациональных сетей в одного из культурных лидеров человечества;
- обеспечение социально-справедливых оснований творческой и трудовой мотивации, включая фактическое равенство стартовых возможностей для каждого (получение образования, предоставление рабочего места, предполагающего использование творческого потенциала и т.п.), основанную преимущественно на трудовом вкладе социальную дифференциацию (децильный коэффициент на уровне 5,5–6,5 раз);

- переход к ноосферному (основанному на ответственности общества за рекреацию и развитие биосферы) типу развития, в частности, выход на экологические параметры не хуже скандинавских стран; измерение развития в т.ч. по показателю чистого адаптированного (с учетом загрязнения и деградации природного потенциала) валового продукта;

- рост свободного времени (времени, в котором осуществляется развитие человеческих качеств) при сокращении времени репродуктивного труда (труда, как средства обеспечения жизни), трансакций (типичный пример – “шопинг”), “досуга” (нерабочего времени, не обеспечивающего развитие человеческих качеств) и т.п.; использование параметра “свободное время общества” как одного из ключевых измерителей качества развития;

- формирование принципиально новых технологий и структуры экономики, ориентированных на развитие человеческих качеств, социальную и природную рекреацию, а не рост вещного богатства, трансакций, симулякров, что позволяет реализовать альтернативную существующему тренду модель движения к постиндустриальному обществу.

Цели промежуточных этапов могут определяться исходя из конкретной социально-политической ситуации. В данном тексте эта проблема не раскрывается, поскольку пока отсутствуют реальные условия для ее постановки. Традиционно рассматриваемые в качестве целей развития рыночные параметры роста (объем ВВП, конкурентоспособность на мировых рынках и т.п.) в рамках данного проекта трактуются, как одно из возможных средств обеспечения развития.

Более конкретно приоритеты развития креатосферы могут быть проиллюстрированы следующими ориентировочными параметрами (цифровые значения корреспондируют с уровнем наиболее передовых в данном отношении стран):

- общедоступное образование через всю жизнь (от яслей и детского сада через школу, университетские комплексы, систематическое повышение квалификации, до образовательных комплексов для пенсионеров). Выделение на развитие этой сферы не менее 10% ВВП;

- сферы, обеспечивающие здоровье через всю жизнь (общедоступная медицина, массовый спорт...) – не менее 8% ВВП;

- наука, искусство, другие сферы создания ценностей, смыслов, идей, технологий и т.п. результатов и ресурсов развития новой экономики – не менее 5% ВВП;

- рекреация природы и общества (не менее 5% ВВП).

По мере продвижения в сторону указанных выше структурных сдвигов следует стремиться к достижению занятости в данных сферах на уровне не менее 50–60% общего числа работающих за счет сокращения числа занятых в традиционных отраслях материального производства (при повышении объемов производства в его отраслях – сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, строительстве и др.) до 20–25% (уровень развитых стран Западной Европы), отраслях обслуживания утилитарных потребностей (торговля, питание, туризм...) – до 10–15% (несколько ниже уровня развитых стран Западной Европы), отраслях транзакционного сектора (государственное и корпоративное управление, финансы и иное посредничество) – 10–15% (в 2–3 раза ниже современного уровня развитых стран).

В качестве краткого комментария заметим: в развитых странах для обеспечения удовлетворения материальных потребностей даже на сегодняшнем технологическом уровне достаточно 20-30% занятых. Значительная часть занятых в сфере услуг выполняет паразитические функции, которые могут быть сокращены при параллельном росте занятых в отраслях креатосферы. Отрасли креатосферы (например, образование) – это (1) сферы общедоступной творческой деятельности Педагога, Врача, Художника, Ученого, Садовника, которые непосредственно развивают человеческие качества и субъекта, и “объекта” деятельности, т.е. прямо реализуют главную цель стратегии; (2) они формируют (создают) творческие способности работника, т.е. главное средство развития новой экономики. Таково тезисное обоснование правомерности выдвижения в качестве ключевых предложенных выше целей развития.

Если теоретически наиболее дискуссионная проблема – это стратегические цели прогресса, то, с практической точки зрения, едва ли не наиболее сложный вопрос – это не императивы, а *реальные возможности реализации предлагаемой нами стратегии*, т.е. средства и ресурсы опережающего развития.

2. Стратегия опережающего развития (“экономика для человека”): средства и ресурсы

В этом вопросе, как ни парадоксально, у нас немного расхождений с нашими коллегами по дискуссии, поэтому лишь коротко зафиксируем ключевые параметры, предварительно заметив: основные предлагаемые выше механизмы реализации стратегии не могут быть внедрены одномоментно, декретом. Они должны *выращиваться, постепенно, но неуклонно* создаваясь и претворяясь в жизнь на базе качественно новых институционально-политических предпосылок.

Итак, среди ключевых средств реализации стратегии опережающего развития могут быть выделены⁶:

- система долгосрочных эко-социо-технологических программ, предполагающих согласованное изменение технологических и социо-экономических, а также культурных параметров на основе выбора траекторий опережающего развития с целью качественного изменения структуры;

- формирование системы средств селективного (дифференциация налогов, кредитов, институциональных параметров) и прямого (планы развития для предприятий государственного сектора, целевые общественно-государственные инвестиции, закупки, гранты и т.п.) регулирования, позволяющих перераспределять в перспективе не менее 50% ВВП для реализации долгосрочных программ при сохранении рыночных критериев развития (повышение прибыльности, конкурентоспособности) для остальной части экономики;

- изменение системы отношений и прав собственности, обеспечивающее (1) полное изъятие на общественные нужды природной ренты; (2) постепенное превращение в общественно-государственные и частно-общественно-государственные предприятий креатосферы (образование, здравоохранение и т.п.); (3) программирование деятельности государственных и частно-государственных предприятий; (4) социальную ответственность частного бизнеса; (5) участие работников в контроле и управлении на предприятиях всех форм собственности; (6) прозрачность и гарантированность системы прав собственности; (7) приоритетное развитие ассоциированных форм собственности и “социального капитала”; (8) поэтапное движение к отказу от частной собственности на интеллектуальные продукты;

- формирование системы социальных и экологических нормативов, обеспечивающих гарантированное наличие равных стартовых возможностей (включая гарантии прожиточного минимума, образования, обеспечения здоровья, переквалификации, занятости в общественно-государственном секторе) для каждого гражданина, охрану труда, здоровья, природы на уровне не ниже развитых стран Западной Европы;

- институциональная революция, обеспечивающая сокращение в 2–3 раза транзакционных издержек и занятости в посреднической деятельности за счет упрощения и сокращения бюрократической системы и, главное, системы посредничества, особенно в финансовом секторе. Преодоление “провалов государства” за счет постепенной передачи функций государства институтам общественного самоуправления и продвижения от политического “рынка” и политического манипулирования к “демократии корней травы”.

- развитие долгосрочных интернациональных образовательных, научных, технологических, культурных, экологических программ, интегрирующих усилия государств, международных сетей и НПО, выступающих за отказ от “правил игры”, созданных “Вашингтонским консенсусом”.

Одним из примеров отличия стратегии опережающего развития от других траекторий может служить анализ трех условно выделяемых вариантов программ разви-

⁶ Предлагаемые ниже параметры легли в основу итогового документа уже упоминавшегося Московского экономического форума 2013 года.

тия пассажирского транспорта. Программа № 1 – создание бензинового легкового автотранспорта существующего мирового уровня при ориентации на преимущественно личный транспорт (2 автомобиля на семью) – устаревшая модель. Программа № 2 – создание гибридного легкового автотранспорта мирового уровня при ориентации на преимущественно личный транспорт (2 автомобиля на семью) – модель догоняющего типа. Программа № 3 – переход к новой системе перевозки пассажиров, обеспечивающая повышение скорости перевозки пассажиров на 20-40% при сохранении комфортности на уровне легкового автомобиля и при сокращении числа транспортных средств в 3–5 раз, загрязнения среды в 2–3 раза, транспортного травматизма и смертности – в 4–5 раз и т.п. (скоростной общественный электротранспорт + велосипед при реорганизации типа организации поселений) – эко-социо-техническая модель опережающего типа. Последняя, как легко понять, предполагает существенные социо-культурные изменения и формирование качественно отличных от господствующих ныне ценностей и образа жизни.

Другой пример – создание общегосударственной системы образования через всю жизнь как совокупности открытых образовательных сетей, центрами которых становятся общественные университеты, а не формирование частных транснациональных университетов-корпораций (ТНК).

Что же касается вопроса об *основных стартовых ресурсах* для начала реализации программы, то ими могут быть:

- средства, высвобождаемые в результате “институциональной революции”: 10–20% ВВП.

- средства, получаемые в результате полной мобилизации природной ренты и интеллектуальной ренты, создаваемой в общественно-государственном секторе – 10–20% ВВП.

- концентрация общественно-государственных ресурсов исключительно в секторах прорыва с постепенным спиралевидным расширением их круга.

- налоговая реформа, включающая радикальное (до 0%) снижение налогов на прибыль, используемую бизнесом для инвестиций в реализацию общественно-государственных целевых программ, низкие налоги на реинвестируемую прибыль, высокие (не менее 50–70%) налоги на прибыль, используемую частным бизнесом для личного потребления, на дивиденды, банковские проценты, рентные и т.п. доходы; прогрессивная шкала налогообложения (от 0 до 50%) заработной платы и др. видов трудовых доходов, обеспечивающая разрыв 10% высших и 10% низших зарплат не более 6–7 раз.

В дальнейшем *основными ресурсами реализации программы в средне- и долгосрочной перспективе* станут рост качества рабочей силы и творческого содержания деятельности, новые технологии, эффект от альтернативных сетей международной кооперации и т.п. факторы повышения производительности труда, а так же развитие новых социальных, экономических, культурных форм общественной организации, иного образа жизни и т.п. параметров, сокращающих непроизводительные издержки и повышающие качество жизни при прежних (или сокращающихся) материальных затратах.

А теперь поставим едва ли не самый сложный вопрос: кто, какой социально-экономический субъект способен начать реализацию стратегии опережающего развития?

3. Стратегия опережающего развития (“экономика для человека”): субъекты реализации

Поставленный вопрос переводит наши размышления в социально-политическую плоскость. В самом деле, кто, какие экономические, социальные, политические силы могут быть заинтересованы в реализации названной стратегии?

Лишь на первый взгляд можно предположить, что все граждане и институты нашей страны равно заинтересованы в преодолении кризиса нашего Отечества. Уже тот факт, что из страны с чудовищной нехваткой инвестиций в течение многих лет вывозится до 20 миллиардов долларов ежегодно (а в иные годы – и существенно больше), указывает на тот факт, что (как ни парадоксально это звучит) “российский капитал не имеет Отечества”. К тому же само понимание кризиса и целей реформ

разными общественными силами страны видится по-разному. Для одних становление рыночной экономики, основанной на частной собственности, уже само по себе есть цель, за которую в принципе можно заплатить ценой обнищания (конечно же, временного!) многих десятков миллионов граждан, разрушения высоких технологий, науки и т.п. Для других целью является геополитическое доминирование российского государства и за ценой опять же не постоим... Для третьих общегосударственные цели вообще ничто: они обеспечивают обогащение своей семьи любой ценой, заранее отправляя своих детей жить и учиться за рубеж. Перечень легко продолжить.

Поэтому вопрос о силах, способных поддержать и реализовать стратегию опережающего развития, далеко не прост.

Для основных субъектов власти в современной России эта стратегия не нужна, опасна, ибо ее реализация предполагает качественное изменение системы власти в экономике и обществе. Выход на эту стратегию сведет доходы элиты бизнеса к 5–7% в год при высоком (до 60%) подоходном налоге и прозрачности всех расходов; поставит высших должностных лиц в государстве в положение подконтрольных гражданам служащих без каких-либо привилегий и льгот и с окладом не выше профессорского; отправит в тюрьму значительную часть нынешних преуспевающих бизнесменов...

Не менее проблематичной является и заинтересованность значительных полупролетаризированных слоев населения (для которых эта стратегия откроет возможность повышения своего статуса, но только путем радикального изменения образа жизни, “выдавливания из себя бомжа”), а также части квази-среднего класса, прежде всего, тех мелких бизнесменов, которые срослись с криминально-спекулятивной сферой трансакций: для них эта стратегия так же окажется сопряжена с качественной трансформацией всего образа жизни, и это “превращение спекулянтки в учительницу” будет не менее болезненно, чем предыдущее превращение учительницы в спекулянтку.

Так кто же может быть заинтересован в реализации этих изменений?

Ответ, по-видимому, уже понятен: та часть работников (квалифицированные рабочие, учителя, врачи, инженеры, ученые и т.п. плюс социальные новаторы, лица с предпринимательскими способностями в любых сферах деятельности), кто заинтересован в принципиальном повышении своего статуса и качества жизни за счет более эффективного, престижного, творческого *труда*, реализации своих новаторских способностей. Это слой “прогрессоров” (если использовать терминологию Стругацких) или “пассионариев” (выражаясь языком Гумилева) может быть пассивно поддержан широкими массами “рядовых” рабочих, заинтересованных в честном и уважаемом труде и стабильном доходе, а также уже и еще нетрудоспособными.

Гораздо более сложный вопрос – о поддержке такой стратегии хотя бы некоторыми “элитными” структурами. Можно предположить, что часть высшего руководства организаций, связанных в прошлом с высокими технологиями, наукой и образованием, может поддержать такую стратегию, при условии, что это не будет связано (хотя бы первоначально) с понижением их статуса, а, напротив, откроет возможности для роста.

И, наконец, самая сложная проблема – политическая сила, способная осуществить поворот страны в предлагаемом нами направлении. Несмотря на выдвигание в программах ряда партий и движений стратегических установок, так или иначе упоминающих приоритет высоких технологий, образования и науки, а так же необходимость обеспечить выход страны на траекторию устойчивого развития (что, на наш взгляд, является сомнительной полумерой на пути к ноосферному типу прогресса), в целом реальная политика нынешних организаций свидетельствует, что они, скорее всего, не смогут и не захотят задействовать те средства (прежде всего – базисную демократию), без которых невозможна практическая реализация целей опережающего развития.

Однако авторы далеко не склонны к пессимизму. Мы говорили выше именно о стратегии, необходимость которой диктуется объективными процессами. Эти же объективные процессы (которым, впрочем, не лишне и поспособствовать) ведут к формированию той силы, которая захочет и сможет провести названные качествен-

ные изменения в экономической и политической системах нашей страны. Процессы пробуждения и самоорганизации социальных сил, заинтересованных в движении к экономике и обществу постиндустриальной эры (от бастующих шахтеров, требующих реструктуризации своей отрасли и протестного движения трудовых коллективов, борющихся за деприватизацию, рабочий контроль и самоуправление, до бастующих учителей, профессоров, выступающих в защиту науки и образования) начались и при благоприятных объективных и субъективных предпосылках они могут привести к формированию в ближайшем будущем прогрессивной демократической левой (социалистической) пассионарной силы.

И еще один принципиально сложный вопрос: *политические предпосылки и субъект реализации Стратегии*. Авторы исходят из гипотезы наличия политически ответственных сил (прежде всего – институтов общественной инициативы и общественного самоуправления), способных совершить предлагаемые качественные изменения, провести политические преобразования, создающие институциональные предпосылки для реализации названной стратегии. Вопрос создания условий, обеспечивающих реалистичность этой предпосылки, в данном тексте не рассматривается. Субъект реализации Стратегии – это социально-творческие, способные к созданию новых “правил игры” граждане нашей страны и их добровольные союзы. Проблема наличия такого субъекта и/или условий, при которых он может сформироваться в этом – теоретико-экономическом – тексте так же нами не рассматривается. И не потому, что мы не знаем ответа или боимся его сформулировать, а потому, что это – статья в академическом издании. В других текстах (прежде всего в журнале “Альтернативы”, где мы публикуем ее ежегодно) авторы многократно предлагали свои ответы на эти вопросы.

Наконец, последнее. В современном переживаемом революцию знаний мире вообще, а в России с ее культурными традициями в особенности слово интеллектуальных лидеров общества (как правило, неформальных) значит очень много. Вот почему *создание сегодня в нашей стране культурной и научной атмосферы, формирующей у всех нас уверенность в необходимости и возможности возрождения нашей Родины на основе опережающего развития, интегрирующего и двигающего вперед все основные ценности мирового сообщества и нашего социума, становится как никогда актуальной задачей каждого свободомыслящего гражданина*.

PS. Выход из стагнации: терапия или...?

Мы начали нашу статью с того, что ситуация в экономике нашего Отечества далеко не радужная. Нужна долгосрочная стратегия радикального обновления. Для любого серьезного экономиста очевидно, что это совсем не простая задача.

Согласно оценкам С.Ю. Глазьева, чтобы достичь хотя бы тех целей, которые были определены нынешней властью (Указ Президента от 7 мая 2012 года “О долгосрочной государственной экономической политике”), нужно выйти на экономические показатели, существенно отличающиеся от ныне достигнутых. Прирост ВВП должен быть не ниже 8% в год; промышленного производства – не ниже 10%; инвестиций в основной капитал – не ниже 15%; расходов на НИОКР – не ниже 20% в год при достижении нормы накопления не ниже 35%. При этом опережающим образом (30–50% в год) должны повышаться в среднесрочной перспективе объем НИОКР и инвестиции в развитие ключевых направлений роста и основных производств нового технологического уклада [Глазьев, 2012].

Располагает ли современная модель российской экономики возможностями для осуществления такого маневра?

Что касается темпов прироста ВВП, то 2012 год показывает нам неуклонное снижение этих темпов, не достигающих и половины намеченного С.Ю. Глазьевым уровня. 2013 год вообще демонстрирует угрозу сокращения ВВП. Мы пожинаем первые плоды вступления в ВТО. Рассуждение о том, что усиление международной конкуренции явится стимулом к повышению конкурентоспособности отечественного производства, ничего не стоит без наличия институтов, обеспечивающих техническую модернизацию отстающих отраслей. А таких институтов у нас нет. Без них же эффект большей открытости внешнему рынку будет такой же, каким он был в начале 90-х годов прошлого века – не модернизация, а капитуляция перед лицом международной конкуренции.

О темпах промышленного роста в 10% и приросте инвестиций в 15% приходится только мечтать. При нынешнем уровне рентабельности подавляющего большинства промышленных отраслей они остаются крайне непривлекательными для инвестиций, и при сложившейся реальной ставке процента по кредитам не в состоянии привлечь заемные ресурсы, тем более долгосрочные. А, не получив инвестиций, эти отрасли не могут поднять эффективность и рентабельность, и стать инвестиционно привлекательными. Сложился замкнутый круг, прорвать который в рамках сложившейся экономической модели нечем.

Норма накопления в 35%, да хотя бы даже и в 30% является совершенно нереальной. Не потому, что она вообще недостижима. И наша собственная история, и пример других стран демонстрируют нам и более высокие показатели (например, у Китая сейчас эта норма значительно превышает 40%). Проблема в том, что у нас отсутствуют действенные стимулы для увеличения частных инвестиций, а вот деловые риски, административные и коррупционные барьеры, напротив, находятся на весьма высоком уровне. Точно так же у нас нет механизмов мобилизации инвестиционных ресурсов через государственный бюджет, больше того сама мысль о такой мобилизации частенько становилась предметом осуждения в самых высоких правительственных кругах.

Что касается роста расходов на НИОКР, то идеология последних бюджетных планов правительства нацелена на снижение расходов на гражданские исследования и разработки. Частный бизнес так же не проявляет интереса к подобного рода вложениям капитала. Нередко вообще любое намерение увеличить государственные расходы встречается в штыки, как подрывающее контроль над инфляцией, и ведущее к заведомо неэффективной растрате ресурсов. Конечно, если видеть в контроле над инфляцией альфу и омегу макроэкономической политики, по принципу “пусть погибнет мир, но торжествует низкая инфляция”, то менять ничего не надо. А вот признание некоторых обремененных властью государственных мужей, что подчиненный им государственный аппарат любые выделенные средства растратит неэффективно, наводит на грустные мысли относительно уровня ответственных таких государственных деятелей.

Таким образом, решение вопроса упирается не только в существенное изменение сложившегося курса макроэкономической политики, но и, как минимум, в существенную коррекцию существующих экономических институтов (как максимум нужны качественные политико-экономические преобразования).

Мы крайне далеки от того, чтобы предаваться иллюзиям о легкости осуществления предлагаемых изменений. Сложившаяся в России экономическая модель тысячами нитей экономических интересов привязывает к себе множество бизнесменов, чиновников, да и рядовых граждан. Для многих из них отказа от этой модели будет прямым ударом по кошельку, престижу, статусу, привычному образу жизни. Но ни один шаг вперед в развитии общества не давался без борьбы. Вопрос заключается лишь в том, готовы ли мы к такой борьбе? От того, какой мы дадим ответ, зависит и ответ на вопрос, вынесенный в подзаголовок постскрипума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабкин К.А. Разумная промышленная политика, или Как нам выйти из кризиса. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2009.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Стратегия опережающего развития // Свободная мысль, 1996. № 8.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. К стратегии опережающего развития // Философия хозяйства, 1999. № 3.
- Бузгалин А.В. Экономика для человека // ВВП. 2013. № 1–2 (80).
- Глазьев С. Как построить новую экономику // Эксперт, 2012, № 7 (790)
- Губанов С.С. Системный выбор России и уровень жизни. // Экономист, 2011. № 11.
- Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012.
- Печей А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.
- Человеческий потенциал модернизации России: стратегия опережающего развития. М.: ЛЕ-НАНД, 2006.